

Кувшинова Н.Б.

«ВИШНЕВЫЙ САД» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Д.МАЙЕФЕРА В ТЕАТРАХ РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

К концу XX столетия степень популярности творчества А.П. Чехова значительно возросла и продолжает расти. Это уникальное явление наблюдают литературоведы во многих странах мира. В последнее десятилетие по числу постановок произведения Чехова уступают только Шекспиру. Причины такого феноменального интереса к великому русскому писателю и драматургу пытаются определить и проанализировать исследователи творчества А.П. Чехова в странах Европы, Азии, Америки, Австралии. Многие литературоведы и чеховеды изучают мировую историю сценических постановок. Однако история восприятия и интерпретации чеховских произведений в романской Швейцарии остается белым пятном в современном российском и украинском литературоведении. В данной работе мы попытались предельно кратко рассмотреть особенности рецепции творчества А.П. Чехова в современной франкоязычной Швейцарии, на примере одной из последних постановок «Вишневого сада» (1998 г.) в интерпретации молодого талантливого режиссера Д.Майефера (Denis Maillefer).

Появление на театральных сценах чеховских персонажей уходит во времена деятельности театрально-го режиссера и актера Жоржа Питоева (1884-1939) и его жены Людмилы (1885-1951). Их труппе и принадлежит честь открытия Чехова-драматурга для зрителя романской Швейцарии. Сначала был поставлен «Дядя Ваня» в 1915 г. Через год в репертуар вошли «Предложение», «Чайка», «Лебединая песня», «Вишневый сад», «Три сестры». Были ли более ранние постановки чеховских произведений в этой части Швейцарии – нам неизвестно. Жорж и Людмила сами переводили чеховские пьесы, в которых исполняли главные роли. Труппа выступала в зале женевского театра Комеди (la Comédie) и в зале Друзей Просвещения (la salle des Amies de l'Instruction), но, главным образом в зале Пленпале (Plainpalais) – пригороде Женевы и много гастролировала по стране.

В 20-30-е гг. Чехов почти не ставится. На 60-е гг. приходится активность Народного Романского Театра (TPR) в Ля Шо-де-Фон (La Chaux-de-Fonds). На его сцене с первых лет существования, а он был создан в 1959 г. Шарлем Жори (Charles Joris) и Бернаром Льегмом (Bernard Liègme), ставились произведения Чехова. В 1963 г. – «Медведь», в 1965 г. – «Три сестры», в 1971 г. – «Дядя Ваня», в 1983 г. – «Лебединая песня». В 80-е гг., с созданием новых современных театров, связано все возрастающее количество спектаклей по Чехову. В 1984 г. Комеди де Женев (Théâtre de la Comédie de Genève) представляет на Авиньонском фестивале «Вишневый сад», поставленный режиссерским тандемом – Манфредом Каржем (Manfred Karge) и Маттиасом Лангхоффом (Matthias Langhoff). В 1985 г. режиссер Андре Стейжер (André Steiger) в известном в Европе Театре де Каруж (Théâtre de Carouge) ставит «Чайку». С начала 90-х гг. число постановок произведений Чехова продолжает возрастать. В 1990 г. режиссеры Анна Вуйоз (Anne Vouilloz) и Жозеф-Эмманюэль Вофрай (Joseph-Emmanuel Voeffray) в Театре дю Де (Théâtre du Dé) ставят «Платонова». В 1991 г. TPR представляет спектакль режиссера Шарля Жори - «Маленькие люди» по трем одноактным пьесам «Медведь», «Трагик поневоле», «Предложение». Постановка не сходилась с афиш на протяжении месяца и предстала перед зрителем пяти городов: Поррантрюй (Porrentruy), Мотье (Môtier), Сернье (Cernier), Трамелан (Tramelan), Делемон (Delémont). Одновременно, в Ренансе (Renens), в Театре Клебер-Мело (Théâtre Kléber-Meleau), основанном в 1979 г., режиссер Филипп Мента (Philippe Mentha), ставит «Дядю Ваню», а в Театре дю Грютли (Théâtre du Grütli) гастролирующая труппа Московского театра им. Пушкина представляет «Палату № 6». Этим подтверждается все возрастающий интерес к русскому писателю и драматургу. Театральный критик Мишель Одета (Michel Audétat) отмечает, что влияние Чехова уверенно распространяется с Востока на Запад [1]. Большинство чеховских пьес идет в Женеве на сценах современных популярных театров. В Театре Сен-Жерве (Théâtre Saint-Gervais) в 1996 г. - «Три сестры» на армянском языке с субтитрами на французском языке режиссера В.Шахвердяна, в 1997 г. - «Свадьба» и «О вреде табака» в постановке Сирил Кезер (Cyril Kaiser), а в 1999 г. – «Юбилей» и «Лебединая песня». В Театре дю Грютли идут: в 1993 г. - «Три сестры», в 1997 г. – «Чайка», поставленная режиссером гастролирующей московской труппы Красная Пресня, Ю.Погребничко, в 1998 г. – «Вишневый сад» в интерпретации Дени Майефера. В маленьком Театре ле Каво (Théâtre le Caveau), где зал вмещает всего 100 зрительских мест, в 1998 г. были представлены одноактные пьесы о «супружеской жизни» по произведениям Чехова. Одна из них имела название – «В начале супружеского счастья» («Les débuts du bonheur conjugal»), другая – «Яблоки для Евы» («Des pommes pour Eve»). Продолжают ставить Чехова и в небольших городах. В Монтрё (Montreux), в Драматическом Центре Шабле-Ривьера (Centre Dramatique Chablais-Riviera) Жан-Филипп Вейс (Jean-Philippe Weiss) инсценировал рассказ Чехова – «Дама с собачкой» в юбилейном для театра сезоне 1996-1997 г. Как мы видим из хронологического списка спектаклей, апогей постановок по произведениям Чехова в XX столетии приходится на 90-е гг. Большой популярностью пользуются одноактные пьесы Чехова. Однако интерес к крупным пьесам не падает. Швейцарские режиссеры ищут свои пути постижения творчества Чехова. В каком направлении эти пути - предстоит еще изучить в дальнейших исследованиях.

В 1989 г. Дени Майефер, который является одним из значительных фигур независимой романской сцены [2], вместе с Массимо Фюрланом (Massimo Furlan) создал лозаннский Театр ан Флам (Théâtre en Flammes) - один из самых молодых театров во франкоязычной Швейцарии. За время существования театра

были поставлены как произведения современных авторов, так и классиков мирового значения. В 1991-1992 гг. – «Трилогия» Ш.-Ф. Рамю (С.-Ф. Ramuz). В 1995 г. – «Роберто Зюкко» («Roberto Zucco») Б.-М. Колтеса (В.-М. Koltès). В 1996 г. и 1998 г. – «Леонс и Лена» («Léonce et Léna») Г.Бюхнера. В 1998 г. – «Вишневый сад» А.П. Чехова. В 1999 г. – «Лорел и Арди идут в рай» («Laurel et Hardy vont au paradis») П.Остера (P.Auster). В 2000 г. – «Я муж ...» («Je suis le mari de...») А.Жаку (A.Jaccoud). В 2001-2002 гг. – «Мольба» («La Supplication») С.Алексиевич. Сейчас с театром тесно сотрудничает молодой швейцарский автор Антуан Жаку (р.1957 г.), который пишет драматические произведения специально для Театра ан Флам. Его первое драматическое произведение «Я муж ...» имело большой успех во время турне театра по романской Швейцарии, а также во Франции и Бельгии.

В феврале 1998 г. в Лозанне, в течение месяца, было представлено зрителям два спектакля. Один из них – по пьесе известного немецкоязычного писателя Георга Бюхнера (Georg Büchner, 1813-1837) «Леонс и Лена» («Léonce et Léna»), другой спектакль – «Вишневый сад». Чеховские герои выходили на сцену лозаннского Театра де л'Арзеник (Théâtre de l'Arsenic) с 14 по 31 января и на сцену одного из современных женеvских театров – Театра дю Грютли (Théâtre du Grütli) с 10 по 22 февраля.

Замысел постановки «Вишневого сада» у Д.Майефера возник еще в октябре 1996 г. По признанию Д.Майефера, он неоднократно перечитывал текст пьесы и с каждым чтением возрастало желание самому воплотить чеховских героев на сцене. Это желание было похоже на своего рода азарт. Однако, на тот момент Д.Майефер считал, что он и его труппа не готовы к реализации задуманного. Он сравнивал это состояние с ощущением вокзала: «Мы еще не в поезде, который доставит нас в страну, где властвует царь, мы все еще на вокзале Royaume de Poro, в зале ожидания, но у нас с собой текст «Вишневого сада» [3]. Выбор тех или иных пьес для своих постановок, как говорит Д.Майефер, зависит от текстов – «они должны меня вдохновлять <...> и иметь современное звучание <...>, должен произойти «толчок», для того, чтобы решиться на постановку» [5]. Он с сожалением констатирует тот факт, что «в настоящее время не хватает литературных произведений, которые не тормозили бы желание работать» [5]. Очевидно, таким «толчком» и был текст «Вишневого сада». Говоря о «своей находке славянского происхождения», Д.Майефер утверждает, что «его «Вишневый сад» будет обязательно современным, духовным и укоренившимся в сегодняшнем мире» [5]. Швейцарский критик Кристоф Фована, выдвигая спорную мысль о том, что «русский драматург в «Вишневом саду» выдумал такой мир, где все не настоящее - идеи, чувства, прошлое и будущее», сумел, однако увидеть в Чехове глубоко современного автора. «Чехов показывает в этой пьесе погружение мира в прошлое, в меркантильный триумф новой карьеристской буржуазии» [7]. Около года потребовалось режиссеру для того, чтобы «заставить снова зацвести чарующий вишневый сад» [6]. Для постановки пьесы Д.Майефер взял текст в переводе Ф.Морван и А.Марковича, сделанный в начале 1990-х гг. [4]. Это была переводческая сценическая интерпретация, в которой «Вишневый сад» был превращен в двухактную пьесу, специально предназначенную для постановки в театре. У Майефера сложилось «невероятно прекрасное впечатление от точности меткого язвительного юмора, который исходил из текста, недавно появившегося в переводе Ф.Морван и А.Марковича» [3].

Д.Майефер, изучив текст пьесы, награждая ее разноплановыми эпитетами – «восхитительная», «жизнерадостная», «любовная», «мечтательная», видит в ней «похоронную комедию абсурда» [3]. Текст чеховской пьесы он считает «лучшим текстом, существующим на тему о крахе иллюзий и неустойчивом положении таких личностей, которые, сталкиваясь со своей судьбой, отказываются смотреть ей в глаза» [2]. Д.Майефер, поясняя, какой он представляет свою новую постановку, видит два направления, передаваемые разными персонажами, которые сталкиваются между собой. Понимая, что эта пьеса в свое время была новаторской, Д.Майефер стремится донести ее новаторство швейцарскому зрителю, сделать свою постановку далекой от традиционной, такой, которую мы привыкли видеть.

В романской Швейцарии труппа в театре – довольно редкий случай. Большинство театров собирает актеров для одной постановки. Затем многие из актеров «уходят отмечаться по безработице или, в лучшем случае, включаются в новую работу» [9]. У Д.Майефера нет настоящей труппы, по его мнению, она не жизнеспособна [5], но, тем не менее, он сумел объединить прекрасных актеров. Их отношения построены на взаимном доверии. По словам Д.Майефера, они «вместе работают и развиваются» [5]. «Вишневый сад» – не первая совместная работа режиссера и актеров. Накануне прошла уже упомянутая, постановка по произведению «Леонс и Лена». Действие сказки проходит в королевстве Royaume de Poro. Этот спектакль уже шел здесь год назад и имел большой успех [10]. В этом произведении десять действующих лиц, а в «Вишневом саду» – двенадцать. Таким образом, пришлось внести незначительные изменения по формированию актерской труппы для чеховской пьесы.

На роль Любои Андреевны Раневской пригласили Каролину Конс (Caroline Cons). Эта популярная и известная актриса романской Швейцарии. Исполняя роль Раневской, она еще раз подтвердила свой редкий талант [11]. Манеру К.Конс держаться на сцене уверенно отмечают некоторые критики. В роли Любои Андреевны - ее называют «одновременно излучающей свет и волнующей» [12], «ослепительной хозяйкой, сильной и внушительной в роли неизбежно разоряющейся владелицы» [8], «очень изящной» [13], «серьезной и спокойной, чем и создается сила игры К.Конс» [6], «она совмещает в себе два контраста: одновременно пылкость и сдержанность» [11]. Сама актриса считает Раневскую «мифическим персонажем <...> роль такой Любои – опустошение» [11]. Это сочетается с «опустошенным домовладением». К.Конс при всей своей серьезности играет легко и с юмором, диалоги и ситуации построены на комизме, «смех раздаётся со всех сторон» [11], «чередa насмешливых реплик и комичных замечаний идет одна за другой» [12].

Актриса передает всю беззаботность и легкомыслие, с которой ведет себя Раневская, как будто все происходящее ей неважно. И в то же время, она “цепляется за мечты о прошлом, уклоняясь от действительности” [11].

Роль Гаева сыграл Жан-Люк Боржа (Jean-Luc Borgeat). Он одет в жилет, на котором не хватает пуговицы. Этим подчеркивается его неряшливость, которая идет болтливому и беспечному брату Раневской. В инсценировке Майефера персонажу, воплощающему Леонида, отводится роль как бы постороннего человека. Он всегда находится в стороне, как будто вся эта семейная история ему чужда. Гаев вступает в разговор только когда ведутся шуточные беседы. Многие театральные критики в своих отзывах его “не замечают” или высказывают мнение, что “он выглядел очень невыразительно, как бы отсутствовал” [13]. Тем не менее, актер Ж.-Л. Боржа сумел проявить “необходимый шарм” [8] и был “просто удивителен” [12].

Натали Булен (Nathalie Boulin) сыграла роль Ани, (в спектакле по сказке Г.Бюхнера играла главный женский персонаж - принцессу Лену). Шин Иглесиас (Shin Iglesias) была Варей, старшей дочерью Раневской, – актриса специально была приглашена для этой роли. Лопихина, который производит впечатление “симпатичного выскочки” [12], сыграл Жорж Бразей (Georges Brasey). Его героя сопровождает “более, чем стандартная музыка” [6], чем передается заурядность характера Лопихина. Ролан Вуйоз (Roland Vouilloz), молодой актер сыгравший накануне принца Леонса, теперь выступает в роли студента Трофимова, “смачного болтуна” [12]. Симеонова-Пищика, “типичный образ человека, занимающего деньги” [12] играл Бернар Кордилас (Bernard Kordylaz).

Моника Бюд (Monica Budde) играла Шарлотту Ивановну, которая выглядит «уморительно в своем магическом мастерстве» [11]. Епиходова воплощал Никола Фрей (Nicolas Frey). Дуняшу – «романтическую <...> выразительную» [11] сыграла Фанни Ноел (Fanny Noël). Молодой лакей Яша – «смешной и нелепый в танце» [11] - Джованни Гардиано (Giovanni Guardiano).

Роль 87-летнего лакея была доверена Жан-Марку Морелу (Jean-Marc Morel). Этот актер средних лет превращается в старика, имитируя шаркающую походку и старческую скорбленность. Его великолепную игру отмечают многие критики. Ж.-М. Морел - «гениально воплотился в старого слугу» [6], он - «совершенен» [8], «Морел блистателен в роли этого персонажа 87 лет, который, не считаясь с этим, держит в своих руках все тонкие нити этого хрупкого театра марионеток» [13].

Д.Майефер, заканчивая постановку рекеиемом в полной темноте, добавляет еще одну сцену, финальную: из тьмы выходит Фирс, держа в руке сверкающий бенгальский огонек. Это «та нить», которая тянется от прошлого к настоящему. Режиссер финальной сценой оставляет последнюю надежду на светлое будущее, тот «светлый огонек», который и завершает комедию.

Изучая более ранние постановки, режиссер намеренно пытается избежать традиционных «чеховских аксессуаров». Это чувствуется в выборе костюмов, мебельной обстановке (точнее - отсутствие таковой). Декоратором спектакля выступал Массимо Фюрлан (Massimo Furlan). В оформлении сцены была использована конструкция, которая представляла собой пластиковые листы, вставленные в дерево мягких пород. Они были соединены таким образом, что имели вид некоего лабиринта, который воссоздает план комнат и коридоров, видимых сквозь прозрачный пластик. Разграничение пространства – только можно представить мысленно. Мебелью служат несколько стульев, тележка-столик с редко расставленными на нем чашками, пиалами и бокалами, бутылка шампанского и ваза – на среднем плане. На переднем плане – шезлонг и маленький раскладной стульчик. Все это лишь намек на меблировку. Трудно определить стиль такой обстановки, скорее всего она вообще без стиля. Однако, Д.Майефер, подбирая художественное оформление для своей работы, ссылается на моду 1960-х гг. [7]. Театральный критик, Бенжамин Шекс считает, что от подобного рода декораций создается “впечатление как будто на дом совершались опустошительные набеги” [6]. Такой “дом”, пожалуй скорее можно назвать символическим, в нем действующие лица не имеют возможности встретиться, они как бы циркулируют в нем, не зная, что делать и чем себя занять. Этим передается та губительная атмосфера, в которой каждый из героев живет своими последними надеждами. Своей «хрупкостью» дом передает не только положение дел в нем, но положение того общества, к которому принадлежит «хозяйка землевладения». И вместе с тем, минимальное количество декораций передает крах не только индивидуальных иллюзий, но и того прошлого, с которым связаны все персонажи пьесы.

Освещение создавал Томас Амплер (Thomas Hempler). Он использовал в работе необычные приемы. В начале пьесы - яркий свет, который как бы оживляет обстановку, затем возникают фосфоресцирующие эффекты, что передает атмосферу реально-нереального мира. И по ходу происходящих событий свет приглушается и исчезает совсем. В театральной критике работа по освещению не имела широких откликов. Однако, имеющиеся отзывы называли такое световое сопровождение «чарующим» [8], - «безукоризненным <...>, погружающим пьесу в удивительную атмосферу» [7]. С таким освещением прекрасно сочетается музыкальное сопровождение, которое обеспечивал Филипп де Рам (Philippe de Rham). Подбор своеобразной музыки продумал Д.Майефер. Это спокойная оперная лирическая, сочетающаяся с трагической, музыка, порой «вызывающая слезы» [6]. Д.Майефер нередко говорит о своем все возрастающем желании работать с певцами оперы. Сегодня такого рода работа в романской Швейцарии получила распространение, все больший интерес режиссеров обращен к драматургии оперы [5].

Тщательно работали три костюмера, одевая персонажей более чем неожиданно – Иза Бушарла (Isa Boucharlat), Мари Барон (Marie Barone), Армелль Эванд (Armelle Ewande). Они придерживались моды дома Dolce Vita 1960-х гг., сочетая ее с элементами русской моды. Это старомодная одежда, в которой “сочетается простота с изысканностью <...>, в ней есть какая-то утонченность” [13]. Но это не означает про-

стоту стиля во всем. Некоторые костюмы похожи на клоунский наряд, Раневская - в парике оранжевого цвета. Все это выглядит как комедия с элементами фарса, которую персонажи разыгрывают, чтобы укрыться от реальности. Благодаря прекрасной работе по освещению, в начале пьесы персонажи в своих костюмах выглядят ослепительно, но постепенно тускнеют и становятся незаметными.

В своей постановке через весь спектакль режиссер проводит две линии. Это те линии, которые изображают неделимость трагичного и комичного в пьесе «Вишневый сад». Д.Майефер сумел передать, с одной стороны, утомительную атмосферу, когда персонажи блуждают в лабиринте, не имея возможности встретиться. И, с другой стороны, атмосферу шутовства, клоунады. Можно согласиться с высказыванием Жака Поже о том, что Майефер своей постановкой вызывает на дуэль сторонников никчемности человека, рассматривающих творчество Чехова в концепции унылого пессимиста и тех, кто считает человека необходимым в социальном прогрессе, истолковывая русского писателя как комического автора [8]. Жан-Люк Кюффер, который считает «Вишневый сад» «эталонном чеховской хандры» высказывает мнение, что «режиссер делает свою постановку ободряющей, несмотря на вялую атмосферу, с которой часто ассоциируется чеховский театр» [12]. Режиссер большое значение придает музыке, декорациям, одежде героев, лично разрабатывая все до мелочей. Даже в этом он передает сочетание веселого и грустного, что прослеживается во всем. В освещении: чередуются яркий свет – темнота. В музыкальном сопровождении: трагическая – лирическая музыка. В создании костюмов: старомодная одежда – клоунские наряды. В игре актеров: серьезность и комичность, что называется смех сквозь слезы. Майеферу удалось изобразить разрыв между богатством и разорением, между трагедией и комедией абсурда, концентрируясь на индивидуальных судьбах, а не на социально-историческом контексте. Он сумел увидеть комедийный смысл не всегда смешных ситуаций, сделав тем самым пьесу поистине веселой. Обращаясь к тексту А.П. Чехова, режиссер решил положиться на его могущественную силу и на талант своей труппы. И не ошибся. Критики не разделились в оценке исполнителей ролей чеховских героев, все они, в основном, имели положительный характер. Зрители первыми оценили игру актеров, награждая их бурными аплодисментами – это справедливые плоды большого успеха.

Безусловно, Д.Майефер внес свой вклад в сценическую историю чеховских пьес в романской Швейцарии и открыл новую страницу в постижении драматургии А.П. Чехова в своей стране.

Литература

1. Audétat M. L'influence de Tchekhov // L'Hebdo.- Lausanne, 14 mars 1991.
2. Fabrycy I. La dérive des aristocrates // Le Matin.- Lausanne, 16 janvier 1998.
3. Maillefer D. A l'est, en Russie, une gare, des rires, du champagne, la fin du monde // Théâtre du Grütli du 10-22 février 1998, Genève, P. 6-7.
4. Tchekhov A. La Cerisaie. / Trad. Markowisz A. et Morvan F.; lecture de Françoise Morvan: Autour de La Cerisaie. Lausanne: L'Aire, 1992.
5. Jaquiéry C. La passion Maillefer // Coopération.- Lausanne, 17 décembre 1997.
6. Chaix B. Denis Maillefer fait reflourir une Cerisaie enchantresse // Tribune de Genève.- Genève, 12 février 1998.
7. Fovanna C. Denis Maillefer monte Tchekhov à la sauce années 60 // Gazette de Lausanne.- Lausanne, 16 janvier 1998.
8. Poget J. Une Cerisaie survitaminée // L'Hebdo.- Lausanne, 22 janvier 1998.
9. Chaix B. Ils passent de Büchner à Tchekhov // Tribune de Genève.- Genève, 4 février 1998.
10. Bratschi I. «Léonce et Léna» galoppent sur l'échiquier de la vie // Le Courrier.- Genève, 6 février 1998.
11. Koutchoumoff L. Caroline Cons: «J'aime l'humour désespéré. Je m'y jette à corps perdu» // Le Nouveau Quotidien.- Lausanne, 23 janvier 1998.
12. Kuffer J-L. Denis Maillefer signe une Cerisaie où vitalité rime avec beauté // 24 Heures.- Lausanne, 16 janvier 1998.
13. Bratschi I. «La Cerisaie» valse avec la vie dans les dédales du passé // Le Courrier.- Genève, 12 février 1998.